

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070:93/94 (571.1)

Н.В. Жиликова

«И СМЕХ, И ГОРЕ»: НЕИЗВЕСТНЫЙ САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ТОМСКА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В статье впервые рассматриваются история и содержательные особенности одного из сатирических журналов периода Первой русской революции: «И смех, и горе», изданного в 1905 г. в Томске журналистом В.П. Булыгиным. Выявлены причины утраты сведений об этом журнале, проанализирована структура номера, методы создания сатирического эффекта. Сделан вывод о месте и значении издания среди томских изданий: «И смех, и горе» был первым сатирическим журналом Томска, в котором отразились рост общественного самосознания и процесс осмысления событий, происходивших в России после объявления Манифеста 17 октября 1905 г.

Ключевые слова: сатирическая журналистика, Томск, журнал «И смех, и горе».

Сатирическая журналистика периода Первой русской революции 1905–1907 гг. является достаточно хорошо изученным явлением, однако до сих пор исследователи обнаруживают отдельные дореволюционные издания, не попадавшие ранее в круг научной рефлексии. Настоящая статья посвящена анализу томского сатирического журнала «И смех, и горе», который был выявлен профессором Национального исследовательского Томского государственного университета Е.Н. Косых и главным библиотекарем ТОУНБ им. А.С. Пушкина А.В. Яковенко [1. С. 89]. В сводном каталоге периодических и продолжающихся изданий «Повременная печать Сибири», составленном Е.Н. Косых и А.В. Яковенко и изданном в 2011 г., этому журналу посвящена следующая запись:

«И смех, и горе.

Эпизодический листок общественной жизни с ее тревожностями. Имеет наибольшую склонность к юмористике и сатире – первый в Сибири.

Эпиграф: «В хмурый день не грешно улыбнуться».

1905, № 1. Томск (вышел 1 номер): объем – 24 стр.

Редактировал Рефлектор (псевд. В.П. Булыгина).

Цена – 5 коп.; «подписка не принимается» (см. стр. 1 издания).

Паровая типография Н.И. Орловой» [1. С. 89].

Указано и место хранения журнала – Научная библиотека Национального исследовательского Томского государственного университета.

Необходимо отметить, что в каталогах периодических изданий Научной библиотеки ТГУ – дореволюционном «блочном», традиционном карточном, современном электронном, а также в указателе «Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета» [2], сведений об этом журнале нет. Карточка с данными о журнале в итоге была обнаружена в книжном каталоге Научной библиотеки ТГУ: это объясняет тот

факт, что исследователи никогда не включали журнал «И смех, и горе» в список томских сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 гг., начиная с дореволюционных работ. Так, автор статьи «Периодическая печать в Томске» Вс. Крутовский [3], который был современником описываемых событий, публицистом, сотрудником многих томских изданий, в обзоре сатирических и литературных журналов Томска ни словом не упоминал журнал «И смех, и горе». Начиная свой обзор с сатирического журнала «Осы», затем давал краткую характеристику журналов «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Негативы» и заканчивал перечисление «Силуэтами г. Томска», впоследствии переименованными в «Силуэты Сибири». Он также назвал юмористический журнал «Бубенцы» – приложение к журналу А.В. Долгорукова «Сибирские отголоски». Все это позволяет сделать вывод о том, что, по-видимому, Вс. Крутовский не знал о выходе журнала «И смех, и горе». Добавим, что он не писал и о выходе единственного номера томского сатирического журнала «Красный смех» (его тираж был арестован и уничтожен, в Томске издания нет, экземпляры журнала сохранились только в архиве Российской национальной библиотеки, г. Санкт-Петербург).

Известный сибирский журналист А.В. Адрианов в работе 1919 г. «Периодическая печать в Сибири» также перечисляет журналы «Осы», «Ерш», «Бич», «Рабочий юморист», «Бубенцы», «Силуэты Томска», «Негативы», умалчивая о «И смех, и горе» и «Красном смехе» [4]. Этот же список полностью повторен в статье «Журналы и временники», опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии» в 1929 г. [5], его же придерживаются современные исследователи [6. С. 309].

Журнал «Красный смех» был включен в списки сатирических изданий Томска в советский период, когда был обнаружен в столичных архивах (см.: [7, 8, 9, 10]). Однако «И смех, и горе» пребывал в забвении до начала XXI в.

Исследование содержания журнала «И смех, и горе» обнаружило еще одну причину его «исчезновения». Дело в том, что данные о многих дореволюционных изданиях, в том числе о несостоявшихся замыслах изданий, содержатся в полицейских, цензурных, губернских и других архивах, содержащих документы официального делопроизводства. Таким образом, если бы издатель журнала «И смех, и горе» подавал прошение об издании, сохранилась бы достаточно обширная переписка, сопровождавшая эту процедуру: заявление предполагаемого издателя, программа будущего издания, секретная характеристика благонадежности издателя и имеющиеся о нем сведения у полицмейстера, разрешение либо отказ на издание и т.д. В журнале же «И смех, и горе» сообщалось: «Видите ли, мы разрешения на газету не испрашивали. Скучная это история: туда напиши, тут подожди, там подложи, здесь доложи, – тьфу! А мы себе издаем, да посмеиваемся. «Да ну их, говорим!»...» [11. С. 1]. По-видимому, статус издания можно определить советским словом «самиздат», означающим неофициальное бесцензурное распространение произведения, издаваемого без ведома и разрешения официальных органов.

На первой странице издания есть также дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Григорию Николаевичу Потанину от автора». Это позволяет предположить, что тираж издания предназначался не столько для продажи,

сколько для распространения среди друзей и единомышленников, и он был невелик.

Журнал «И смех, и горе» представляет собой издание «карманного формата» (немногом меньше современного А5), без иллюстраций. Сохранившиеся выходные данные также достаточно скудные: год издания в журнале не напечатан, хотя анализ содержания четко указывает именно на 1905 г.; число и месяц выхода номера также отсутствуют. Однако на первой полосе опубликована программа издания, которая была четко исполнена в изданном первом номере журнала:

«1) Статьи духовно-нравственного содержания, в стряпке которых лица духовного звания участия не принимают;

2) Статьи сокрушительные;

3) Статьи утешительные;

4) Статьи иного свойства;

5) Корреспонденции (бывают даже с того света);

6) Местная хроника;

7) Фельетон по силе возможности;

8) Русская жизнь;

9) Заграничная смерть;

10) Объявления бесплатно (пользуйтесь случаем и помещайте)» [11. С. 1].

Несмотря на явную пародийность этой программы, ясно видны желание издателя структурировать материал по жанрам и темам и сосредоточенность на общественно-политических проблемах (нет литературных рубрик, научных, экономических и т.д.).

Типологический статус издания «И смех, и горе» представляет собой определенную проблему, которая нередко возникает в отношении сатирических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 гг. В истории журналистики закрепилось общее определение изданий этого типа именно как журналов – иллюстрированных еженедельников (см. например: [6, 12]). Однако сами издания не придерживались строгих определений, называя себя то газетой, то журналом, то «листочком» и т.д. «И смех, и горе» был назван издателем «сатирическим листком», в текстах упоминается «брат-газетчик», и часть рубрик этого издания относится к традиционно «газетным» (особенно «Местная хроника»). Однако «листочками» называли себя и томские журналы «Осы», «Ерш» и некоторые другие. Поэтому, следуя традиции, мы будем называть «И смех, и горе» сатирическим журналом, имея в виду, что это издание совмещало в себе признаки и газеты, и журнала.

Из-за того, что в журнале «И смех, и горе» не была указана дата выхода, возникает вопрос о первенстве этого издания на рынке сатирических журналов Томска и Сибири. До сих пор в качестве первого сатирического журнала Томска всегда указывался сатирический журнал «Осы»: разрешение на его издание было получено 22 декабря 1905 г., а 31 декабря 1905 г. вышел первый номер «литературно-сатирического листка» «Осы», издаваемого В. Федоровым [13]. Судя по этой дате, «И смех, и горе» никак не мог выйти позже «Ос», если учесть, что в журнале в основном освещаются события октября и ноября 1905 г. Содержание журнала дает основание утверждать, что «И смех,

и горе» был отпечатан в течение декабря 1905 г., и значит это действительно был первый в Сибири сатирический журнал, хотя и неофициальный.

Как и другие сатирические журналы, «И смех, и горе» был построен по пародийной модели обыкновенного периодического издания. Он начинался со статьи «От редакции», в которой по традиции излагались основные цели и задачи нового журнала. Эта статья была построена как речь неуверенного в себе чиновника, который постоянно бормочет себе под нос «г-м! г-м!»: «Приступая к настоящему изданию... г-м! г-м!.. и имея в виду... г-м! г-м!.. обещанную нам свободу слова... г-м! г-м! г-м! от слова не сбудется...» и т.д. [11. С. 2]. Автор статьи подчеркивал, что воображаемый чиновник не просто сочиняет текст – он диктует его своему секретарю, о чем свидетельствуют ремарки: «Секретарь, дайте мне носовой платок»: «Секретарь, зачеркните эти три слова». «Случайная описка» показывает, к кому в действительности обращена программа – к «вашему благородию», поэтому читателю становятся понятны попытки «чиновника» придать журналу вид «благонадежного». В результате рождаются обещания «никогда не переходить на сторону хулиганов», сообщается от имени редакции, что «мы твердо верим, что наша отчизна находится на пути прогресса и под усиленную охраной», и выражается уверенность, что «мы божею милостию будем всегда живы и здоровы». Сатирический эффект возникает от создания образа растерянного чиновника, который, с одной стороны, демонстрирует покорность, с другой – витиевато намекает, что «околоточные надзиратели, приставы, полицейстеры и ротмистры и прочие ревнители охранения основ» не рвутся спасать «женский и детский пол из огня и пламени» во время митингов, а также сомневается в том, что «вместе с свободой все будут свободны» [11. С. 2].

В заключение автор говорил: «Итак, вы знаете, что мы шутить не будем. Читайте!» – подчеркивая и серьезность намерений, и ситуацию каламбура, когда сатирический журнал уверяет в том, что он не собирается шутить [11. С. 3].

Следующий привычный для русской периодики раздел «Телеграммы» состоял из трех предложений: «Телеграммы Российского телеграфного агентства в самом непродолжительном времени будут переданы в Томск по беспроволочному телеграфу, который уже нам выслала Доброжелательная Америка через северный полюс – наложенным платежом. Вот будут деньги и телеграммы будут... а теперь – облизись» [11. С. 3]. Несмотря на то, что речь идет о действительно существовавшей организации – Российском телеграфном агентстве, которое передавало телеграммы в Томск, здесь описана фантастическая история о посланном через северный полюс американском беспроволочном телеграфе, который якобы сможет поправить положение с доставкой телеграмм. Таким образом в сатирическом аспекте была отражена ситуация с ухудшившимся телеграфным сообщением в России во время Первой русской революции, когда отдаленные российские центры оставались практически без связи в самые нестабильные и опасные периоды, требующие оперативных решений и знания общей ситуации в стране.

Далее, в соответствии с намеченным планом, следовали одна за другой статьи «душеспасательная», «сокрушительная», «утешительная» и «иного свойства». Все они обыгрывали положение в городе, сложившееся после

провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. и томского черносотенного погрома, произошедшего 20–22 октября 1905 г.

Статья «душеспасательная» состояла из обращений к гражданам, гражданам и «гражданиям» и содержала советы подчеркнуто бытового свойства: «пейте лучше малину или липовый цвет», «кушайте, но не обкушивайтесь и потейте», «не курите табак» и т.д. [11. С. 3]. Однако часть их была составлена таким образом, что намекала читателям об окружающей их беспокойной городской обстановке. Так, гражданам советовали «не упиваться вином, когда заперты винные лавки» (торговые точки нередко закрывались хозяевами из-за угрозы грабежа); гражданам рекомендовалось «свободно гулять с кавалерами, ибо у каждого из них есть оружие» (находиться на улицах безоружным было опасно во время черносотенного погрома) [11. С. 4]. Обращаясь к «гражданиям», сатирик писал: «Ходите в школу и ничего не бойтесь, так как в каждой школе стоят городовые, и ежели что-то уж – сделай милость – тащи и не пушай», тем самым одновременно рисуя картину военного положения в Томске и намекая на несостоятельность власти, которая действует прежними неэффективными методами даже в изменившейся обстановке. Причем весь этот перечень «советов» начинался с утверждения «Аз есмь червь, а не человек (Наверное, этого цензура не выбросит)»: автор намеренно максимально «снижал» образ городского обывателя, своего потенциального читателя, до уровня «червя», в притворной заботе о цензуре, в то же время показывая, что для части населения было более безопасным метафорически «забиться в угол», при этом ощущая, что как к низшему классу к ней относятся и власть, озабоченная революционными событиями [11. С. 3–5].

Статья «сокрушительная» была посвящена цензурным условиям существования периодики в России. Автор обращал внимание читателей на многоточия в текстах газет и журналов, заменяющие то, что редакторы вынуждены вычеркивать на основании 140-й статьи цензурного устава. Эти многоточия он называет «каплями лебединой крови», «с чистого светлого неба упавшими звездочками»: «Это человеческие мысли, чисты как слезы детей, ясные как солнце, правдивые, выстраданные мысли...». Несмотря на провозглашенную свободу слова и «отстранение от должности» 140-й статьи, автор был полон скептицизма и заканчивал статью, боясь вновь «увидеть те звездочки, ту кровь лебединую, о которой я говорил выше» [11. С. 4–6].

Основной сюжет статьи «утешительной» заключался в противопоставлении прошлого времени, когда материала для «утешения» было достаточно, и настоящего, в котором из безопасных тем осталась только погода:

«Хо-орошая у нас погода, господа. Шубы хоть и совсем не надо.

Тепло, снежок, влага...

А впереди-то, впереди...

Свобод-то этих самых – сколько вам угодно...

И на счет слова, и на счет собраний, и на счет союзов...

Хо-орошая у нас погода; жаль только, что на снегу нет цветов и трав душистых, нет веселых летних мотыльков.

О-ох!..

Сидишь это, сидишь теперь и такая-то тебя одурь возьмет от радости, но и на улицу выйти не решаешься.

Городовой подумает, что ты пьян, ну – а тогда пиши пропало...

Хо-орошая у нас погода, господа...» [11. С. 7–8].

Приведенный отрывок дает представление о методе автора: описывая погоду (по-видимому, поздней осени или начала зимы), он вставляет в текст свои иронические размышления о приобретенных благодаря Манифесту 17 октября 1905 г. «свободах». Они представляются автору столь же недостижимыми, как цветы зимой, и особенно в свете обстановки на улице, когда безопаснее сидеть дома, чем попадаться на глаза тому, кто призван обеспечивать провозглашенные «свободы».

Тему смирения, которое оказывается особенно желательно власти и цензуре, раскрывает «статья иного свойства»: в ней автор доказывает, что «мы должны быть почтительны и терпеливы», «должны знать, что о нас заботятся и что нам дадут все то, что нам полагается». В качестве идеала «терпения и смирения» приводится образ собаки Пестри, которая могла в ожидании кусочка хлеба часами сидеть неподвижно; однако автор предупреждает читателей: «Вы, пожалуйста, чего-нибудь не подумайте, да еще не скажите господину цензору, а то ей Богу беда будет...». «Сидите себе у моря и ждите погоды», – советует сатирик, потому что уже скоро, по его мнению, будет введено военное положение [11. С. 8–9].

Пародийные «корреспонденции» в журнале «присланы» из Красноярска, Нарыма, Захолустья и Тартара; сюжеты их соответствуют наиболее часто встречающимся в обычных корреспонденциях ситуациям. Это назначение «злодея» на ответственное место («директором черной сотни» становится господин Смирнов, отчего все Смирновы отказываются от своей фамилии); представители туземного населения требуют «полной отмены сдирания с них шкур мироедами»; есть даже зарисовка «культурного досуга» в Захолустье («собрались лупить интеллигенцию») и сообщение о прибытии в Тартар конституции [11. С. 9–11].

Одной из самых информативных рубрик журнала оказалась «Местная хроника» [11. С. 11–13]. Здесь встречается единственная во всем журнале хронологическая привязка: после первой новости, в которой читателям было сообщено о том, что «по всем улицам города лежит снег», приводится информация о том, что «с 1 декабря ночная охрана находится в новых руках», а именно под управлением городской управы. Таким образом, можно утверждать, что журнал «И смех, и горе» вышел в течение декабря 1905 г., опередив первый «официальный» журнал «Осы», изданный 31 декабря 1905 г.

Другие новости «Местной хроники» носили пародийный характер, но во многом были основаны на существующих реалиях – они повествовали о нехватке дров в Томске (однако автор объяснял это тем, что крестьяне заняты на предвыборной агитации), о слухах о появлении «антихриста» (причем ловить его предписывалось становому приставу), о выдаче низшим чинам в связи с похолоданием нового обмундирования (но не теплой одежды, а «летних фуражек», а «дырявые сапоги в начале следующего столетия будут неукоснительно заменены новыми») и т.д.

Самым объемным материалом номера является «Фельетон», он занимает 5 страниц [11. С. 13–18] и состоит из нескольких зарисовок, объединенных общей темой – состояние общества после 17 октября 1905 г. Герой первой из

них – дядя одного из журналистов, который пытается объяснить полиции, что они поступают незаконно, приговаривая: «Позвольте, 17 октября...», «Но ведь 17 октября...» – а вместо этого все больше ухудшает положение, в конце концов, его убивают полицейские. Увольняют и самого журналиста, который «самых простых вещей не понимает», продолжая настаивать на соблюдении обещанных свобод. Автор критикует действия губернатора, обвиняет его в попустительстве своему окружению, состоявшему из «взяточников, лицемеров и подлецов», описывает «пришествие конституции» на томские улицы, а завершает фельетон размышлениями о том, что необходимо верить в лучшее. «Она пришла, эта заря, и мы не должны дать ей потухнуть» [11. С. 18].

Рубрика «Русская жизнь» в журнале была составлена из вымышленных сообщений из Симферополя, Варшавы, Дребедени, Гражданослава, Чухломы, Петербурга и Москвы [11. С. 18–19]. В большинстве из этих городов «все обстоит благополучно», уверял автор, и даже «многолюдные митинги» в Гражданославе «прошли совершенно спокойно»: «Убитых 192, раненых 838» [11. С. 19]. В Петербурге «все тихо», поскольку «изоляция от всего мира полнейшая», а в Чухломе главным злом оказались курительные трубки, которые и были отобраны у населения по распоряжению исправника [11. С. 19].

Если предыдущие рубрики в целом повторяли структуру обычных периодических изданий, то раздел «Заграничная смерть» [11. С. 19–22] в журнале был выстроен по другому принципу. Автор объяснял свое понимание «заграницы», сатирически сравнивая заграничные и российские порядки: «Там есть короли и президенты, есть парламент и рейхстаги. Ну это отчасти напоминает наши губернские правления. Та лишь разница между парламентом и управлением, что в первом всегда все делается посредством языка и слова, а во втором ничего не делается посредством чернил и бумаги» [11. С. 20]. В итоге он делает вывод о том, что за границу ездить не нужно – «там все скверно, гадко, мерзко и мертво»: «То ли дело у нас? Разлюли-малина!» [11. С. 22].

В содержание журнала включены также «Объявления», которые все носят сатирический характер: ищется кухарка, «умеющая кормить без провизии», предлагаются услуги «опытного хулигана», разыскиваются посетители для гостиницы и т.д. Завершается журнал выходными данными: «Редактировал Рефлектор. Томск. Паровая типография Н.И. Орловой» [11. С. 24].

По сравнению с другими сатирическими изданиями этого периода в журнале «И смех, горе» практически нет упоминаний реальных людей. Один раз автор называет томского губернатора Азанчеева-Азанчевского [11. С. 16], в «местной хронике» появляется бывший директор колонии для малолетних преступников Никольский [11. С. 11], наконец, в «Русской жизни» возникает фамилия Витте [11. С. 19]. Остальные персонажи – это «один российский сановник», «дядя», «остяки» и т.д. Эта «разреженность» журнального пространства, описательность и акцентированная иносказательность были обусловлены не только сатирическим характером издания, но и личностью издателя – журналиста и социал-демократа В.П. Булыгина. Он прошел настоящую «школу» подцензурной журналистики в провинциальных изданиях, поскольку был сотрудником ведущих газет Томска «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь», а также журнала «Сибирский наблюдатель». В них Булыгин овладел многочисленными приемами эзоповского языка, позволяю-

щими обходить цензурные «рогатки», и даже в собственном, свободном от надзора издании не мог сразу решиться на прямое выражение своих мыслей. Поскольку в журнале не подписан ни один материал, можно сделать вывод о том, что единственным автором издания был собственно «Рефлектор», т.е. В.П. Булыгин.

Таким образом, журнал «И смех, и горе» самым достойным образом открыл череду сатирических журналов Томска периода Первой русской революции: на своих страницах он отразил рост общественного самосознания, процесс осмысления происходивших после объявления Манифеста 17 октября 1905 г. событий, дал яркие зарисовки городской жизни Томска в конце первого революционного года, хотя и в сатирическом преломлении. Несмотря на то, что журнал не получил широкого распространения и широкой известности, он является важным фактом развития местной журналистики, а знание о нем дополняет общую картину становления системы провинциальной периодической печати в начале XX в.

Литература

1. Косых Е.Н., Яковенко А.В. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Сводный указатель периодических и продолжающихся изданий. Томск: Ветер, 2011. 376 с. (Историко-краеведческий архив: вып. 4).
2. Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / научн. ред. В.А. Зибарев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 42 с.
3. Крутовский Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск: Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 279–309.
4. Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 13–14.
5. Дурылин С., Казаринов П., Киржнец З. и др. Журналы и временники // Сиб. сов. энцикл.: в 4 т. Т. 1. Новосибирск, 1929. Стб. 972.
6. Лепилкина О.И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Илекса, 2010. С. 304–324.
7. Русская сатирическая периодика 1905–1907 гг.: сводный каталог / сост. З.А. Покровская. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1980. 136 с.
8. Русские сатирические журналы 1905–1907 гг.: каталог коллекции / сост. З.В. Федотова, Н.Ф. Чернышева. М.: Гос. публ. ист. б-ка, 1973. 57 с.
9. Сатирические журналы 1905–1907 гг. в фондах Научной библиотеки Томского университета: каталог / науч. ред. В.А. Зибарев. Томск: Изд. Том. ун-та, 1988. 42 с.
10. Сатирические журналы первой русской революции 1905–1907 гг.: каталог / сост. П.Т. Рудзинский. Новосибирск: ГГНТБ СО АН СССР, 1990. 125 с.
11. И смех, и горе. Томск. 1905. № 1.
12. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта: Наука, 2002. С. 190–192.
13. Сибирская жизнь. 1905. № 264.

ISMEKH, I GORE: AN UNKNOWN SATIRICAL TOMSK MAGAZINE DURING THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 2 (28), pp. 160–168.

Zhiliakova Natalya V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

Keywords: satirical journalism, Tomsk, *I smekh, i gore* magazine.

The article investigates the history and substantial features of a satirical magazine of the First Russian Revolution, *I smekh, i gore* [Laughter and Sorrow], published in 1905 in Tomsk. This magazine was discovered only last decade thanks to researchers E.N. Kosykh and A.V. Yakovenko. *I smekh, i gore* was not intended for mass distribution, it was released unofficially and had its only issue

presumably in December 1905. In Tomsk, it was stored as a part of the archives of a famous explorer and journalist, ideologist of Siberian regionalism G.N. Potanin. The author reveals the reasons for no research of the magazine, features of its typological status, and its place among other satirical publications of Tomsk in 1905-1907.

Like other satirical magazine, *I smekh, i gore* parodied the model of an ordinary periodical. It started with an article "From the Editor", which traditionally set out the mission of the new periodical. It also had the following columns: "Telegrams", "Local Chronicle", "Russian Life", and "Death Abroad". It contained "soul-winning", "crushing", "comforting" and "other" articles. The magazine used satirical methods to describe the situation in the Russian society after the adoption of the Manifesto of October 17, 1905. In Tomsk the situation was complicated by the fact that on October 20-22 there was an Anti-Jewish pogrom with human losses. The magazine reflected the confusion of the urban society, the helplessness of the Russian authorities, the people's disbelief in the granted "freedoms" by the skillful use of the tools of the Aesopian language, irony, and satire. This is the evidence of the journalistic excellence of the publisher and the only author of the magazine V.P. Bulygin who used the pseudonym "Reflector".

The study proves that *I smekh, i gore* properly opened the series of satirical magazines in Tomsk during the First Russian Revolution. On its pages, it described the growth of public self-consciousness, the process of understanding events after the Manifesto, and gave vivid sketches of urban life in Tomsk at the end of the revolutionary year, though in a satirical manner. Despite the fact that the magazine is not known, it is an important fact in the development of local journalism and information about it contributes to the overall picture of the formation of provincial periodicals in the early 20th century.

References

1. Kosykh E.N., Yakovenko A.V. *Povremennaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX veka – fevral' 1917 g.): Svodnyy ukazatel' periodicheskikh i prodolzhayushchikhsya izdaniy* [Periodical press in Siberia (the second half of the 19th century – February 1917): Joint index of periodicals and serials]. Tomsk, Izd-vo Veter Publ., 2011. 376 p.
2. *Satiricheskie zhurnaly 1905–1907 gg. v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta. Katalog* [Satirical magazines of 1905–1907 in the funds of the Research Library of Tomsk University. Catalog]. Tomsk, Izd. Tom. Un-ta Publ., 1988. 42 p.
3. Krutovskiy Vs. *Gorod Tomsk* [The town of Tomsk]. Tomsk, Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela Publ., 1912, pp. 279–309.
4. Adrianov A.V. *Periodicheskaya pechat' v Sibiri* [Periodical press in Siberia]. Tomsk, Tipolitografiya Tomskoy zheleznoy dorogi Publ., 1919, pp. 13–14.
5. Durylin S., Kazarinov P., Kirzhnets Z. et al. *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya v 4-kh t.* [Siberian Soviet Encyclopaedia in 4 vols.]. Novosibirsk, Sibirskoe kraevoe izd-vo Publ., 1929. Vol. 1, column 972.
6. Lepilkina O.I. *Sistema russkoy provintsial'noy periodicheskoy pechaty (XVIII – nachalo XX v.)* [The system of provincial Russian periodicals (the 18th – early 20th century)]. Moscow, Ilekxa Publ., 2010, pp. 304–324.
7. *Russkaya satiricheskaya periodika 1905-1907 gg.: svodnyy katalog* [Russian satirical periodicals of 1905-1907: Joint catalog]. Moscow, Gos. b-ka SSSR im. V.I. Lenina Publ., 1980. 136 p.
8. *Russkie satiricheskie zhurnaly 1905-1907 gg. Katalog kollektsii* [Russian satirical magazines of 1905-1907. The catalogue of the collection]. Moscow, Gos. publ. ist. b-ka Publ., 1973. 57 p.
9. *Satiricheskie zhurnaly 1905-1907 gg. v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta. Katalog* [Satirical magazines of 1905-1907 in the funds of the Research Library of Tomsk University. Catalog]. Tomsk, Izd. Tomskogo un-ta Publ., 1988. 42 p.
10. *Satiricheskie zhurnaly pervoy russkoy revolyutsii 1905-1907 gg.: Katalog* [Satirical magazines of the first Russian revolution of 1905-1907: Catalogue]. Novosibirsk, GGNTB SO AN SSSR Publ., 1990. 125 p.
11. *I smekh, i gore* [Laughter and sorrow]. Tomsk, 1905, no. 1.
12. Makhonina S.Ya. *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [History of Russian journalism in early 20th century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2002, pp. 190–192.
13. *Sibirskaya zhizn'*, 1905, no. 264.